

УДК 328.185

ЭЛИТАРНАЯ КОРРУПЦИЯ**Н.И. Верченко**

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: n.verchenko@yandex.ru

В статье анализируются экономические и политические процессы, происходившие в России в начале 90-х годов, которые привели к слиянию организованной преступности, власти и бизнеса, возникновению принципиально нового вида преступности. Предложено определение элитарной коррупции как составной части интрузивно-деструктивно-мимикрийной преступности, естественным образом проникшей и встроившейся в систему экономических, правовых, финансовых и иных отношений, неуязвимой от усилий правоохранительных органов. Показана угроза элитарной коррупции для национальной безопасности государства.

Ключевые слова: коррупция, элитарная коррупция, интрузивно-деструктивно-мимикрийная преступность, должностное лицо, национальная безопасность.

ELITE CORRUPTION**N.I. Verchenko**

Novosibirsk state University for Economics and Management
E-mail: n.verchenko@yandex.ru

The article analyzes economic and political processes that took place in Russia in the early 1990s and led to merger of organized crime, authorities and business, formation of the brand new criminality type. The notion of elite corruption is suggested – an element of intrusive-destructive-mimetic criminality that naturally found way into the system of economic, legal, financial and other relations, invulnerable to efforts of law enforcement authorities. Elite corruption threat to national security of the state is shown.

Key words: corruption, elite corruption, intrusive-destructive-mimikriynaya crime, official, national security.

Внимание исследователей к вопросам борьбы с коррупцией продолжает расти, это подтверждается многочисленными публикациями, посвященными данной теме в периодической печати. Практически каждый нормативный правовой акт, посвященный противодействию коррупции, не обходится вниманием не только юристов, но и других специалистов: психологов, экономистов, философов. Исходя из анализа их мнений, изучения правоприменительной практики, можно сделать вывод о том, что принимаемые за последние шесть лет законодательные меры борьбы с коррупцией имели определенный успех и в предупреждении, и в пресечении коррупционных деяний. И тем не менее социологические опросы населения показывают достаточно высокий уровень коррупции в органах власти, отсутствие веры граждан в позитивные результаты борьбы с коррупцией.

Остаются актуальными слова профессора В.В. Лунеева о заинтересованности в возможностях коррупции определенной части правящей экономической и политической элиты [6]. По мнению ученого, неспособность

ветвей власти организовать и поддерживать правовой порядок повлекли возникновение и развитие беспрецедентной «управленческо-предпринимательской» ниши, где формируется качественно новая власть, для которой руководство и управление преступной средой наряду с несением государственной службы стали абсолютно безопасной и высокоприбыльной сферой реализации своих интеллектуальных и профессиональных способностей [5].

Формирование «беспрецедентной управленческо-предпринимательской ниши» имеет определенные исторические предпосылки. Собственность, финансы и средства производства в советском обществе имели общественную природу, так как по большей своей части были государственными, общенародными. Представители партийной, государственной элиты понимали, что утрата постов повлечет потерю всего того, что полагалось им в связи с должностью. Последующие экономические и политические преобразования – разгосударствление экономики, признание частной собственности и свободы предпринимательской деятельности привели к незаконному личному обогащению, переделу собственности, легализации и защите преступных капиталов. Коррупция, взяточничество, должностные и хозяйственные преступления существенно затрудняют продвижение самих экономических реформ [4, с. 4].

Серьезным источником коррупции послужила экономическая диверсия в виде масштабной, бесконтрольной приватизации государственной собственности. Только на начальной стадии приватизации около 30 % всех постановлений, касающихся ее реализации, содержали нарушения действующего законодательства. Эгоистическая мотивация чиновников, связанная со стремлением к наживе, реализовалась в расхищении государственной собственности, подорвавшем последующие экономические реформы. По словам Н.Ф. Кузнецовой, «корысть стала источником появления “трех китов” российской экономики: преступности экономической направленности, организованной преступности и коррупции» [3, с. 72].

Инфляция, потеря сбережений, спад производства, безработица, дефолт привели к падению жизненного уровня населения, а изъятые у граждан средства стали инвестиционной базой развития и укрепления организованной преступности, коррупции и теневой экономики [11].

Теневой сектор экономики не мог обходиться без административных возможностей субъектов, влияющих на легальные микроэкономические процессы. Кроме этого осознание крупными собственниками потенциальной возможности перехода политической власти в другие руки и возможности пересмотра итогов приватизации побудило их пойти на сделку с коррумпированными чиновниками, также не желавшими уступать власть другим. Реальным показателем этого послужили залоговые аукционы, по итогам которых лица, находящиеся у власти, получили деньги для проведения выборов 1996 г., а финансово-промышленные группы – часть государственной собственности по ценам, заниженным в десятки раз от реальной стоимости предприятий. В результате финансово-промышленные группы получили возможность перераспределения чужой, в основном государственной собственности и возможность влияния на экономическую систему всех уровней управления. В целях расширения своего бизнеса, получения

дополнительных материальных и административных ресурсов финансово-промышленные группы делегируют своих представителей в федеральные, региональные, муниципальные органы власти.

Подводя итог преобразованиям 80–90-х годов XX в., В.В. Лунеев отметил, что рыночная экономика в России после дискредитации плановой социалистической системы была закономерно необходимой, но ее реализация была так извращена недалевидными инициаторами перестройки и рыночных реформ, что ее экономические, политические, психологические, нравственные и физические потери в общей пролонгированной сложности превысили последствия гитлеровского нашествия [7].

Вышеназванные события «породили» интрузивно-деструктивно-мимикрийную преступность. Это понятие было введено А.С. Овчинским для характеристики преступности, естественным образом проникшей и встроившейся в систему экономических, правовых, финансовых и иных отношений, неуязвимой от усилий правоохранительных органов.

Интрузивно-деструктивно-мимикрийная преступность позволяет обогащаться определенным слоям общества, уходя от ответственности и разрушая реальный сектор экономики. ИДМ-преступность это качественно новый этап деградации общественных отношений, их коррумпированности. Под давлением безграничных финансовых возможностей уже сформировавшейся группы олигархов происходит замена направления законодательной политики с демократической на ту, которая поддерживает и укрепляет правовую, экономическую и финансовую систему, позволяющую избежать уголовной ответственности за деяния, способствующие личностному обогащению конкретных лиц и наносящие урон экономической системе страны [9]. Как справедливо отмечал М.П. Клейменов, государство дало возможность создать криминальные капиталы, а затем дало возможность обеспечить неприкосновенность этих капиталов [2].

Таким образом, сложившейся модели рыночной экономики присуща деградация форм экономического развития. Вместо традиционных рыночных механизмов (конкуренция, свобода предпринимательства) в ее основе лежат неформальные взаимоотношения носителей власти и предпринимателей, при которых успешность во многом зависит от близости к власти, а представители власти часто являются самостоятельными, лично заинтересованными участниками экономических отношений. Это привело к развитию и распространению коррупционного лоббизма, подкупа, перехода политиков и государственных служащих в частные корпорации и фирмы на управленческие должности, инвестирования за счет государственного бюджета коммерческих структур, незаконного участия в предпринимательской деятельности и т.д. [1].

В результате экономических реформ, повлекших сосредоточение большей части общественных благ в руках меньшинства и социальное расслоение общества, наряду с повседневной (*низовой*) коррупцией получила распространение вершинная (*элитарная*) коррупция, заглатывающая огромные куски государственной и частной экономики. Именно элитарная коррупция представляет интрузивно-деструктивно-мимикрийную преступность, характеризующуюся исключительной латентностью посягательств лиц, обладающих высоким социальным положением, изоциренными мето-

дами достижения узкогрупповых целей, непомерным материальным, моральным, физическим ущербом, а также снисходительным отношением властей. Деятельность субъектов элитарной коррупции зачастую имеет законный вид и скрытый характер, вред причиняется не конкретным потерпевшим, а обществу и государству, но этот вред изначально невидим и опосредован [8]. Происходит сращивание носителей власти с бизнесом, при котором происходит использование властного привилегированного положения (должностных возможностей, иммунитета) в личных целях.

Низовая коррупция должностных лиц контролирующих, правоохранительных органов, учреждений и иных «бюджетников» также вызвана ходом экономических реформ, поскольку в результате их именно эти категории оказались среди низкооплачиваемых категорий трудящихся, что повлияло на их коммерциализацию. Отметим, что фондом ИНДЕМ было проведено исследование общественного мнения о связи коррупции и величины оплаты труда российским чиновникам. Результаты показали, что увеличение зарплаты должностным лицам существенно не повлияет на уровень коррупции в России. В то же время сокращение коррумпированности опрашиваемые связывают с системой социальных льгот и гарантий для добросовестных служащих (премиальные выплаты по выслуге лет, пенсионная система, льготы для членов семей и др.) [12]. Изучение материалов уголовных дел по коррупционным преступлениям наглядно показывает, что в 90 % случаев к уголовной ответственности привлекаются именно такие лица. Думается, что подобная «выборочная» ситуация устраивает многих: власть, правоохранительные органы, суды, многочисленные структуры по противодействию коррупции и позволяет большинству наиболее опасных коррупционеров – представителей элитарной коррупции оставаться «чистыми» и недоступными для правосудия.

Условиями для роста коррупции выступают бесконтрольность и безответственность представителей власти. Бесконтрольность выражается в потере обществом контроля за протекающими социальными процессами, отсутствии или невозможности реализации имеющейся правовой базы, позволяющей эффективно контролировать властные структуры, и недоступности властной элиты от проникновения представителей широкого круга социальных групп.

Необоснованное «раздувание» государственного и муниципального аппаратов наряду с увеличением расходов на его содержание влечет нерациональное распределение функций министерств, ведомств, других структур и должностных лиц, вызывающих дублирование, бюрократизм, непрозрачность процесса принимаемых решений, а значит безответственность и «перекладывание» вины за совершенные деяния. Если в СССР государственных чиновников было 660 тыс., то в России их число выше 1 млн.

Подбор и расстановка кадров на государственной службе продолжают характеризоваться семейственностью, протекционизмом, принадлежностью к «команде». Это подчеркивает необходимость кадровой реформы государственного аппарата, направленной на обеспечение приоритета профессионализма и нравственности. Низкий уровень фактической раскрываемости преступлений, влияющий на восприятие возможности быть

привлеченным к уголовной ответственности, неэффективная статистика коррупционных преступлений, недостатки информационного, научного и учебно-методического обеспечения подготовки специалистов в сфере борьбы с коррупцией также являются весомыми причинами процветания коррупции [10].

Общее число лиц, пользующихся иммунитетом в стране, приближается к 100 тыс. человек, именно эта привилегия, а также финансовые интересы влекут предприимчивых преступников в представительные органы власти [12]. В законодательстве зарубежных стран иммунитет носителей власти ограничен определенными рамками. Так, Конституция США в разделе 6 предусматривает гарантию от ареста сенаторов и членов Палаты представителей временем сессии соответствующей палаты, за исключением совершения тяжкого преступления, измены или нарушения общественного порядка. Депутатам Японии неприкосновенность также предоставляется только на период работы сессии парламента.

Децентрализация власти, порождаемая борьбой коррупционеров за власть и собственность, приводит к состоянию безвластия в обществе. Переплетение государственно-политического аппарата, крупного капитала, бизнеса и организованной преступности сегодня настолько тесно, что часто не представляется возможным понять: кто и чьи интересы представляет.

Литература

1. Григорьев А.С. Специфические особенности и виды индивидуального правового регулирования // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 220.
2. Клейменов М.П., Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение. Омск: ГП Омская областная типография, 2008. 190 с.
3. Криминология: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Проспект, 2009. 328 с.
4. Лебедев Н.Ю. Теоретические проблемы и практика расследования незаконного производства спиртосодержащей алкогольной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. 198 с.
5. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. № 4. С. 103.
6. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
7. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма, 2007. 272 с.
8. Мангир А.В. К вопросу о понятии вреда как социального последствия преступности // Проблемы юриспруденции: сборник научных статей и тезисов / отв. ред. С.А. Поляков. Новосибирск: НГТУ, 2013. 148 с.
9. Овчинский А.С., Чеботарева С.О. Матрица преступности. М.: Норма, 2006. 112 с.
10. Першин А.Н. Системный подход к борьбе с преступностью // Сборник материалов криминологических чтений / под ред. Ю.Л. Бойко. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2011. № 7. 127 с.
11. Ульянова В.В. Уголовно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 133.
12. Фонд ИНДЕМ. Антикоррупционная политика. Экономика коррупции // Лоббист. 2010. № 1. С. 86.

Bibliography

1. *Grigor'ev A.S.* Specificheskie osobennosti i vidy individual'nogo pravovogo regulirovaniya // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3. P. 220.
2. *Klejmenov M.P., Fedorov A.Ju.* Kriminal'noe manipulirovanie v sfere jekonomicheskoy dejatel'nosti: kriminologicheskaja charakteristika i preduprezhdenie. Omsk: GP Omskaja oblastnaja tipografija, 2008. 190 p.
3. *Kriminologija: ucheb. posobie / pod red. N.F. Kuznecovoj.* M.: Prospekt, 2009. 328 p.
4. *Lebedev N.Ju.* Teoreticheskie problemy i praktika rassledovanija nezakonnogo proizvodstva spirtosoderzhashhej alkogol'noj produkcii: dis. ... kand. jurid. nauk. Barnaul: Alt. gos. un-t, 2004. 198 p.
5. *Luneev V.V.* Korrupcija: politicheskie, jekonomicheskie, organizacionnye i pravovye problemy // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 4. P.103.
6. *Luneev V.V.* Prestupnost' HH veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. M.: Volters Kluver, 2005. 912 p.
7. *Luneev V.V.* Jepoha globalizacii i prestupnost'. M.: Norma, 2007. 272 p.
8. *Mangir A.V.* K voprosu o ponjatii vreda kak social'nogo posledstvija prestupnosti // Problemy jurisprudencii: sbornik nauchnyh statej i tezisov / otv. red. S.A. Poljakov. Novosibirsk: NGTU, 2013. 148 p.
9. *Ovchinskij A.S., Chebotareva S.O.* Matrica prestupnosti. M.: Norma, 2006. 112 p.
10. *Pershin A.N.* Sistemnyj podhod k bor'be s prestupnost'ju // Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenij / pod red. Ju.L. Bojko. Barnaul: Barnaul. jurid. in-t MVD Rossii, 2011. № 7. 127 p.
11. *Ul'janova V.V.* Ugolovno-pravovoe regulirovanie protivodejstvija finansirovaniju terrorizma // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2008. № 6. P. 133.
12. Fond INDEM. Antikorrupcionnaja politika. Jekonomika korrupcii // Lobbist. 2010. № 1. P. 86.